

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ.
ЛОМОНОСОВА

Факультет журналистики

Кафедра новых медиа и теории коммуникаций

«НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ПОЭТОВ: ВЕРА ПОЛОЗКОВА&СО»

Эссе

Выполнила студентка

V курса Д/О

518 группы

Запенина Т. Р.

Преподаватель

Засурский И.И..

МОСКВА 2014

*Миша, рассчитай ее. Иногда она столько пьёт,
Что перестает ощущать отчаянье или голод,
Слышит скрежет, с которым ты измельчаешь лёд,
Звук, с которым срывается в небо голубь,
Гул, с которым садится во Внукове самолёт.
Вещи, для которых все еще нет глаголов.*

Вера Полозкова,

«Рассчитай меня, Миша. Ночь, как чулок с бедра...»

Был теплый летний вечер, один из таких, по которым всегда тоскуешь зимой, весной, осенью, - всегда, когда от этого мига тебя отделяет множество событий, времен года, километров, условий. Мы шли втроем в уютное тихое место рядом с прудом, где красиво горят огни и создается впечатление, что никто не вытянет тебя в суетную реальность. Три подростка, которым уже пора стать взрослыми людьми, но еще не хочется даже думать об этом, брать на себя ответственность за что бы то ни было. И тут среди праздных разговоров о не самых важных вещах в мое сознание проник вопрос, который заставил меня остановиться.

- Скажи, а ты ведь тоже, наверняка, загоняешься по Полозковой?

На минуту у меня даже пропал дар речи. Это произнес парень, чье отношение не то что к современной поэзии, а к литературе вообще казалось мне более чем сомнительным. Красавчик и хулиган, убегающий с уроков через окно, аккуратным словом «тоже» вдруг обозначил свою принадлежность к поклонникам Веро4ки, которые до того момента представлялись мне нежными девушками с грустными историями о несчастной любви.

Тогда я поняла, что масштаб проникновения Полозковой в сердца молодежи я серьезно недооценивала. Мало того, что у людей есть интерес к ее поэзии, так еще и те, которым, наверное, по статусу не положено его

афишировать, хотя и говорят об этом. Этот факт потряс меня, и с тех пор я начала замечать, что весь интернет пестрит ее творчеством, в котором каждый находит что-то свое. У современной молодежи последние пару лет, действительно, есть тенденция к оглашению своих литературных интересов, но по большей части она заканчивается копированием общеизвестных цитат, для имиджа. Молодым людям кажется, что запости они цитату другую, скажем, Ремарка или Толстого, и это сделает их ближе к элите, о которой они ничего, по сути, не знают, выделит из ленивой серой массы, которая не читает классику. Но ведь Вера Полозкова – это не классика, какой смысл выражать ее словами свои чувства, слушать ее аудиозаписи вместо веселой музыки, делиться с людьми ее трогательной поэзией? Оправданий ее популярности можно придумать тысячу, но опровержений – ни одного.

Веро4ка – это отражение современной молодежи. Дух молодости как он есть, именно той молодости, которую проживают молодые люди сейчас. Нельзя поспорить с тем, что наша молодость очень отличается от юности наших родителей. Она совсем другая, как у людей с разных планет. Все, что выражали до нас – это не совсем наше и не совсем для нас. Нам хочется слышать именно о себе. Не потому, что мы «топчем ногами своих отцов», как у Бальзака, и ничего не хотим знать о прошлом – просто в юности поэтической поддержки хочется намного больше, чем поучений. Мы готовы учить историю, читать классику и с интересом слушаем рассказы наших бабушек и дедушек о своей жизни, но мы хотим, чтобы сквозь все эти буквы, голоса и страницы звучал и наш голос. Вера Полозкова – в какой-то степени его олицетворение.

Наши родители, чтобы достать книгу, шли в библиотеки. Чтобы послушать популярную музыку, им приходилось с большим трудом доставать пластинки. Чтобы что-то сказать или сделать, большинство из них очень долго думало, и часто – подавляло свои желания. Мы – совершенно другие. Чтобы прикоснуться к литературным произведениям, нам достаточно вбить

пару первых букв их названия в строке поиска интернет-браузера. Чтобы послушать любую песню – нам нужно пару раз кликнуть мышкой или нажать на кнопку. А что касается мыслей, слов и действий – мы же непуганые. Мы не знаем слова «нельзя», мы ничего не боимся. И поэтому мы хотим говорить. Говорить обо всем: не только о том, чего мы достигли или хотим достигнуть - мы не боимся говорить о своей боли, о плохом настроении, о недовольстве, о страхе. Вера Полозкова помогает нам подобрать слова. Она как будто тоже ничего не боится.

Мир ее чувств и слов свободен от политики, но от этого не теряет актуальность. Нам, молодым, конечно, не безразлична судьба нашей Родины и мировые процессы, но давайте мы будем судить об этом потом, когда станем умнее и будем по-настоящему в этом разбираться? Сейчас мы хотим «сболтнуть лишнего», «опростоволоситься», «напиться и творить безрассудства», «выглядеть глупо», «быть инфантильными, смешными», и «не играть словами».

Но играть тоже хотим. Мы хотим всего и сразу. И прямо сейчас. Конечно, у нас нет гарантий, что мы получим все, чего хотим, точно в срок, но мы еще слишком молоды, чтобы об этом знать, как и Вера. И поэтому «взрослые» современные поэты, пожившие, успокоившиеся, не приносят нам того упоения, которое мы получаем от нее. Мы с Верой Полозковой совпали поколение в поколение, кризис в кризис, отчаяние в отчаяние.

Взрослые и опытные люди часто грешат тем, что говорят об отсутствии будущего у молодых поэтов. Но если их любимцы пишут о прошлом и остаются в прошлом, а у нас этого прошлого вовсе еще нет, это не значит, что мы лишены будущего. Да, человеку свойственно сокрушаться о былом и у него много шансов сделать это красиво на бумаге через призму времени, опыта. Но мы еще не привыкли к жертвам и терпению, мы живем в настоящем. И мы не хотим оправдываться ни перед кем.

Все тебе оправдываться – а мне утверждать и сметь.

Все тебе позвякивать – мне греметь.

Золотой век литературы закончился очень давно. У Веры Полозковой не было ни единого шанса совпасть с ним хотя бы по одному параметру. Но это не значит, что ее стихи не имеют влияния на души людей, как раньше стихи Пушкина или Лермонтова захватывали сердца миллионов. И пусть великаны литературы, вышеупомянутые, а также Бродский и Пастернак, уже притронулись ко всем рифмам на Земле. Поэзия – это не только рифма, это, прежде всего, поток сознания, выраженный, в отличие от прозы, импульсом, а не непрерывной волной. И именно этот импульс ловят люди; методы и форма не так важны. Вся поэзия Полозковой отличается высокой степенью литературности, качеством, настоящим живым вкусом, но не лишена и дерзких словечек и выражений, от которых раньше бы у людей захватывало дух. Дело не в том, что она старается опуститься, в угоду моде вводя современные способы выражения чувств. Она чувствует современный мир, проявления которого порой нельзя описать иначе. Все ее слова идут изнутри, она глотает жизнь, не пережевывая, потому что боится не успеть. Еще Земфира, которую «взрослые» считают скандальной, говорила об этом: «Я так боюсь не успеть хотя бы что-то успеть».

Язык языком, а если браться за содержание, объяснение популярности Верочки на фоне других современных поэтов, тех самых поживших и опытных, очевидно.

От меня ждут свершений – а от тебя беды,

Мои руки мощны – твои худы,

Я полна грозового воздуха – ты воды.

Другие поэты, более взрослые, для молодежи – вода. Красивая, медленная, прозрачная. Но она не нужна им, как воздух, грозовой сильный воздух, дающий силы взрывать, взлетать, разносить все беды и страхи, от которых страдали наши родители. Мы ничего не боимся, мы готовы к свершениям, мы чувствуем мощь воплотить все свои желания в жизнь.

История в целом и история литературы - в особенности, конечно, для нас не пустой звук. Но что такое история? Для наших родителей она всегда была опытом, образцом, чем-то величественным и неподвижным. Они учили историю и делали выводы, основываясь на уроках, которые она преподает. Мы кое-как тоже знаем историю, но мы не можем ее почувствовать, потрогать, окунуться в нее, потому что живем сегодняшним днем. Мы имеем смелость называть себя поколением, которое не верит учебникам, потому что их переписывают. Мы имеем смелость называть себя поколением, которое испытывает большой трепет не перед тем, что было, а перед тем, что будет, потому что знаем, как непредсказуема жизнь и насколько она зависит от нас самих.

*Тебе вечно учить историю – мне войти в нее
Аж по самую
деревянную
рукоять.*

Взрослые всегда ругают детей. В передаче «Школа злословия» Татьяна Толстая и Авдотья Смирнова, изначально настроенные враждебно, тоже ругали Полозкову. Напоследок кто-то из них посоветовал ей поменьше говорить о себе и побольше – о других. Этот совет удивил меня. Как она может говорить о других, если поэзия – это чувства и ощущения, которые могут быть истинными только от самого себя?

Вся поэзия Полозковой предельно честна: она говорит от своего лица и оценивает мир через призму собственных ценностей. Самым важным является то, что взгляд на мир Толстой, Смирновой и прочих, взрослых и опытных, совершенно различен с нашими взглядами. Взрослым не понять, почему мы так любим жизнь, почему не боимся говорить обо всем, что тревожит, да что говорить - рвать глотки в попытках донести свои чувства миру. Мы кричим и этой волной тот, кто не хочет понять,

отбрасывается прочь центробежной силой.

Поэзия Полозковой, конечно, не безусловна и среди молодых людей. У меня есть одна подруга. Она ругает Верочку и говорит, что такая поэзия ей не близка. В свое время она перечитала всю классику и, действительно, ее мнение нельзя не брать в расчет. Но если копнуть глубже, проанализировать ее взгляд на жизнь, ее отрицательное отношение к Полозковой кажется вполне логичным. Она всей душой любит классику и не принимает современный мир с его нравами, способами выражать чувства, действовать. Люди вокруг, особенно молодежь – близкое окружение, не кажутся ей близкими по духу. Вывод напрашивается сам: ей не нравится не Полозкова, а то отражение настоящего мира, которое она видит в ее стихах. Она расходится мироощущением с современной молодежью, а оттого расходится и с этой поэзией.

Что касается взрослых (я оправдываю свое деление людей не взрослых и детей огромным желанием «на пальцах» объяснить, зачем обществу нужна Полозкова)...Кто-то находит очевидные изъяны, прицепляясь к размеру, рифме, слову. Кто-то действует более изощренно, давая объяснения типа «Бездарь, вот в наше время...» или «Бред какой-то, как можно писать о таких

мелких вещах?». Но именно эти взрослые забывают, что когда-то их волновали такие же «мелкие» вещи, просто они об этом забыли, что когда-то им тоже хотелось закричать о чем-то на весь мир, просто они этого боялись, что когда-то они тоже хотели жить здесь и сейчас, просто они разучились это делать. И именно эти взрослые спустя целую жизнь в итоге говорят детям о том, что она была прожита зря, что они осознают ее бесполезность, что они ничего в ней не поняли.

Молодость – это закрытый перелом со смещением. И от того, что будет делать человек, зависит то, как срастутся его кости. Мы хотим, чтобы наши кости срослись безболезненно, именно так, как нам удобно. Мы не привыкли к боли, мы не считаем это ключевым чувством жизни, поэтому так стараемся от нее освободиться. Вера Полозкова помогает нам двигаться в нужном направлении.

Нового поколение поэтов неизмеримо. Весь интернет дышит поэзией, и количество его вздохов от дикой скорости распространения теряется в белом шуме. Сейчас поделиться со всем миром, по которому порой хочется расплескать тоску или радость, предельно просто. Так же просто, как потом замести следы, нажав «delete». Скорость и свобода – вот главные черты стихотворцев. Да, это развязывает руки и тем, что пишет глупости, рифмует «любовь» и «кровь», но одновременно дает точку опоры тем, чей талант раньше мог затеряться во времени и географической тяжести. Новая поэзия – это поэзия выбора. «Свои» стихи может найти каждый.

За кем из солдат, ведущих борьбу за право голоса в мире современной поэзии, были замечены особые заслуги? В общем-то, за каждым, чье творчество помогло кому-то. Подробности – вопрос субъективный. Я считаю талантливыми современными поэтами Дмитрия Быкова, Алю Кудряшову, Ес Сою, Федора Сваровского и уже упомянутую Веру Полозкову. Для меня именно они сегодня творят поэзию.

Все они по-своему несчастны, одиноки, пронзительны и (!) необходимы. Они говорят о тех самых вещах, «для которых еще нет глагола», но о которых так трудно молчать.

Однажды мой преподаватель по творческой студии сказал: «Писать о современном танце очень сложно. Хватит пальцев одной руки, чтобы перечислить людей, которые делают это хорошо. Слишком мало материала, на который можно опереться». Оценивать современную поэзию трудно по той же причине. С одной стороны, существует теория литературы, и все стихотворные произведения подлежат оценке сквозь эту призму. Но это форма. А вопрос первенства формы и содержания относится к разряду вечных вопросов. Плюс, в сравнении современной и предшествующей поэзии важнейшее значение имеют пути распространения текстов. И перспективы, которые открываются в этом контексте сегодня помещают новое поколение вне таблиц. Оно выбирает новые формы, слова и потоки коммуникации со своей аудиторией. Что из этого, включая имена, останется в памяти – покажет время.